

С 17 августа по 1 сентября 1934 года в Москве, в Колонном зале, проходил Первый съезд советских писателей. В работе съезда участвовали 376 делегатов с решающим и 215 делегатов с совещательным голосом, более 40 иностранных гостей. Основной доклад был сделан Горьким, председательствовавшим на съезде. Алексей Максимович подчеркнул, что коллективный писательский труд поможет авторам лучше узнать друга, «перевоспитаться в людей, достойных великой эпохи». На съезде выступали Николай Бухарин, Алексей Толстой, Леонид Леонов... Итог дискуссиям подвел Горький. В своем завершающем выступлении он назвал целью социалистического реализма, признанного с тех пор основным методом советской литературы (шире — всего искусства), развитие творческих способностей человека «ради победы над силами природы». Как отмечалось в принятом на съезде Уставе Союза писателей СССР, соцреализм требовал «от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии».

Разумеется, творчество крупнейших наших писателей никогда не ограничивалось тесными рамками соцреализма. Свидетельство тому — эпические романы Михаила Александровича Шолохова, Алексея Николаевича Толстого, Константина Александровича Федина, Леонида Максимовича Леонова...

О Леониде Леонове скажу особо. Третий век я тесно общался и, хотелось бы верить, дружил с этим удивительным человеком — мыслителем, беспокойным искателем-правдолюбом, великим мастером слова. О встречах с Леонидом Максимовичем я рассказал в своем «Дневнике Русского» (1963—2001), фрагменты которого предлагаю вниманию читателей журнала. Здесь же — и выступление Л. М. Леонова на Первом съезде советских писателей, которое привожу полностью, без изъятий.

В зале заседаний Первого съезда советских писателей

Леонид Леонов

Из «Дневника Русского»

18 октября 1979 года

— У меня была трудная литературная биография, — рассказывал мне Леонид Максимович. — В 1931 году я возвращался вместе с Горьким из-за границы, куда он меня приглашал — Горький перевозил вещи, книги. Ехали поездом. В Москве Горький меня не оставлял без внимания и ласки, часто приглашал в гости. Как-то прихожу к нему — Горький предложил посмотреть библиографические редкости, которые он собирал. Я тоже собирал книги. Когда работаю над эпохой, то люблю заглянуть в нужную книгу. Она так и лежит на столе. Я посмотрел книги, выхожу, а у Горького в гостях Сталин. Тогда у них «медовый месяц» был (Сталин — Горький). Меня представили. В это время я был Председателем Всероссийского Союза писателей (с 1929-го по 1932-й), в который входили Новиков, Лидин и ряд других серьезных писателей. Был еще и РАПП, который позже распустили.

Леонов хотел было откланяться, чтобы не мешать Горькому и Сталину, но Горький оставил его обедать. За столом сидели так: по одну сторону — Горький и Сталин, по другую — Леонов, Ворошилов, полярный летчик Чухновский и Бухарин. Были за столом сын Горького Максим и жена Максима.

— Сталин и Горький вели оживленную беседу, громко смеялись, шутили, — продолжал свой рассказ Леонов. — Ворошилов тихонько спрашивал меня о делах литературных. Я сказал что-то о Всеволоде Ивάνове. Вдруг Сталин, который, оказывается, слушал наш разговор, спросил: «А что, Всеволод Ивάνов, похоже, исписался?» Прежде чем мне ответить, Горький сказал Сталину, что я буду и имею право говорить от имени русской литературы, и добавил еще несколько слов обо мне, которые мне и повторять неудобно. Сталин три четверти минуты в упор смотрел на меня и крутил ус. Я выдержал взгляд, хотя это нелегко было, не спрятавшись «за ширму», как говорили в кругу вождя. Сталин кивнул и сказал Горькому: «Понимаю». То, что Горький так меня представил Сталину, и то, что я выдержал его взгляд, наверное, многое сыграло в моей жизни, — заключил Леонов.

7 сентября 1988 года

«26 октября 1932 года на квартире у Горького состоялась встреча членов Политбюро с писателями, среди которых были Афиногенов, Багрицкий, Гладков, Ермилов, Зелинский, Катаев, Леонов, Маршак, Панферов, Фадеев, Шолохов. К. Зелинский записал по памяти беседу со Сталиным, который, между прочим, сказал: "Вы не долж-

А. Н. Яр-Кравченко. А. М. Горький читает 11 октября 1931 года товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть»

А. Н. Яр-Кравченко. «Ответственность на вас!» Встреча советских писателей в Москве на квартире М. Горького в 1932 году

ны забывать голову художника абстрактными тезисами. Он должен знать теорию Маркса и Ленина, но должен знать и жизнь. Художник в первую очередь должен будет показывать нашу жизнь, он в ней не может не заметить, не показать того, что ведет ее к социализму. Это и будет социалистическое искусство. Это и будет социалистический реализм"» (из газеты «Советская культура» от 6 сентября 1988. № 107).

Леонид Леонов

Выступление на Первом съезде советских писателей

Товарищи, нам дано удивительное счастье жить в самый героический период мировой истории. Я отваживаюсь повторить это, уже произнесенное здесь, не только потому, что повторение есть самая сильная из риторических фигур, но и потому, что это самая существенная предпосылка ко всякому выступлению с этой трибуны в эти торжественные дни. Отсюда вытекают и наши обязанности, и наши права, и наша гордость и трудности наши, и наше будущее гражданское удовлетворение, что в конце концов мы одолеем эти трудности. Конечно, ни в одну эпоху литератор не испытывал такой почетной и высокой ответственности, как сейчас. Это наше основное дело — показать в образах, глубоких и запоминающихся, великое столкновение идей, разработать хотя бы вчерне принципы новой морали и запечатлеть рождение еще неслыханного мира. Наш возраст позволяет нам надеяться, что мы еще будем свиде-

телями очень больших событий. Этот век, может быть, самый емкий исторический период из всех, через которые проходило человечество. На наших глазах будут образовываться все новые советские республики, в грозе и буре будет просыпаться самосознание колониальных стран, будут создаваться все более совершенные формы человеческого общежития. Товарищи, мы еще будем участниками мировых конгрессов социалистической литературы, которые уже не уместятся в этом зале. В том большом доме, где мы встретимся еще не однажды, мы будем пожимать руки делегатов Африки, Австралии, Южной Америки. На повестке дня будут стоять уже не только вопросы, трактующие рождение нового человека, но вопросы могущественной борьбы со стихиями, все большего расширения деятельности человека в космосе.

Наш век — это утро новой эры. Но эта наша песенная пора, юность мира, когда народы только начинают вступать в великое социалистическое русло, не повторится больше никогда.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые, повышенные качественные требования к нашим произведениям.

Художественная литература перестает быть только беллетристикой. Она становится одним из самых важных орудий в деле ваения нового человека. Все качества хорошего резца должны стать не переменным достоинством наших книг. Я имею в виду их прочность, их остроту, их закалку. Это одновременно касается как формальной стороны, так и идейной. Мы слышали здесь Никиту Изотова, текстильщицу Гурову, пионеров. Мы видели, как требователен и нетерпелив потребитель нашей продукции. Несмотря на гигантские темпы своего роста в сравнении с дореволюционным временем, советский массовый читатель не совсем еще достиг того окончательного уровня критического сознания, когда он сам, без указки, сможет разобраться, что в этом образе правдивого и что в нем от лукавого. Но тяга его к классикам показывает, что этот вкус совершенствуется, крепнет, проникает в самую толщу народной массы. Всякая фальшивая нота поэтому неизменно влечет к тому, что автор, пускай бессознательно, лишь затемняет великую правду, разъяснить которую он обязан по самому существу своего призвания. С другой стороны, мы видим, как все более раскалывается мир на две, очень неравные, части. Эти два лагеря слишком различны в своих политических тенденциях. В этом свете всякая наша идейная оплошность не есть ли, по крайней мере, неметкий выстрел в ту сторону, куда сейчас направлены пристальные взгляды всей страны? Итак, надо делать вещи, достойные времени. Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту. Иногда кажется, что надо иметь втрое, вдесятеро больше мозга, сердца, мужества и мастерства, чтобы справиться с поставленной перед нами задачей. Это так же трудно, как на огромном лугу очертит контур тени, отброшенной грозovým облаком. Оно несется со скоростью, превышающей во много раз медлительную поступь искусства. Здесь и лежит причина отсутствия средней формы — рассказа и повести. Отсюда рождаются две основные струи в нашем художественном движении: можно или фотографировать стремительные тени гигантских вещей и их творцов, переполняющих нашу современность, или же пытаться в более монументальных жанрах искать ту эмоциональную формулу, по которой образуются эти суровые тучи, полные дождя и благоденний для земли.

Удивительно, как сплетаются в современном человеке самые различные качества и свойства, образующие параллелограмм движущих сил. Поэт сегодня обязан быть философом, философ не может не быть солдатом, готовым ежесекундно защищать свою идею, а наш солдат — я говорю о высоком звании красноармейца! — разве он не поэт во все периоды своего существования: и тогда, когда он гнал врага, сквозь нищету, голод и сыпняк провидя свое сверкающее будущее, и теперь, когда он стоит на страже у ворот в этот новый мир, полный зданий самой совершенной социальной архитектуры! И вот всякое ремесло сегодня сопряжено так или иначе с мечтательством, потому что всякая работа сегодня — не работа, если в нее не входят элементы

подлинного творчества. Нелзя жить в эту эпоху, не видя огромной, во многом еще не законченной дороги вперед, выводящей нас за пределы видимых, привычных горизонтов. Наше искусство поэтому должно в еще большей степени содержать эти элементы мечтательства, вооруженного уже не только лирой и безоговорочной верой в свою победу, но и точным, безупречным знанием. Вот почему область, где мы работаем, привлекает такое пристальное внимание нашей общественности; вот почему наш съезд не может не быть значительным событием в культурной жизни страны; вот почему этот съезд подведет итоги и тому, насколько мы оправдали внимание партии, правительства и самой широкой читательской массы.

Мы пришли в гражданскую войну (я беру на себя смелость говорить от имени некоторой части моего литературного поколения) с кое-какой зарядкой старой культуры. Большинство из нас проходило первую литературную учебу в фронтовых газетах. Это определило нашу судьбу. Старое культурное наследие и те чрезвычайно поразительные вещи, свидетелями и прямыми участниками которых мы становились, были как бы двумя электродами. Получилось нечто вроде вольтовой дуги, с тем существенным отличием от ее физической сестры, что пламя ее воспламеняло, не сжигая. Нас привлекала тогда необычность материала, юношеское наше воображение поражали и пленяли иногда грозные, иногда бесформенные, во всегда величественные нагромождения извергнутой лавы и могучее клубление сил, запертых в глубине жизни. Эта необычность материала зачастую прикрывала нашу литературную беспомощность. Мы все проходили тогда еще только через орнаментальную прозу, вычурную словесную вязь, как ребята радуясь дару повторять громовые слова взрослых. Мнилось порою, любой кусок жизни этого периода годился бы в многопудовый роман, потому что он кровоточил, пульсировал и звенел в руках. Но невелика в литературе заслуга очевидца! Даже и об этом времени главное еще не написано. Семена этих тем лишь развеяны по ветру, и многое еще не проросло. В вялые паруса нашего поверхностного романтизма ударил грозовой ветер, и если они зазвучали, как бубен, то не революции ли мы обязаны всякими нашими успехами, если только они были? Разве соответствуют наши книги той гигантской породе людей, которые первыми принесли себя в жертву социалистической родине, которые завоевали нам право собраться здесь, в лучшем зале мировой столицы? На этот вопрос можно и не отвечать. Каждый из нас еще хранит память об этих людях и, надо надеяться, еще не вполне забыл своих собственных персонажей. Этот разрыв, этот интервал между искусством и жизнью, за самыми немногими исключениями, сохраняется и теперь. Мы все еще не научились писать словами, которые взрывались бы на бумаге, которые были бы топливом для самого мощного двигателя в нашей стране — коллективного сердца строителей социализма. Не казалось ли, товарищи, всем нам в разное время, что всякий исписанный нами лист бумаги — только испорченный нами лист? Большая литература измеряется такими вехами, как Пушкин, Толстой, Горький, а мы мельчим предоставленный нам новый отрезок на сантиметры, да и тех иногда не можем поделить между собой!

Упреки Горького, брошенные нам с этой трибуны, справедливы и своевременны. В самом деле, в стране, имеющей мировые достижения в любой области народной жизни, в стране, движимой передовыми идеями века, литература должна бы быть лучшей литературой мира. Всмотримся честно в то, с чем мы пришли на этот съезд, как еще много в нашем багаже набросков, черновигов, очень часто рационалистических, а иногда просто провинциальных по форме и содержанию. Не это ли главный и смертный наш порок, с которым следует бороться? В таком маленьком зеркале, как наше, не умещается центральный герой нашей эпохи. А все мы отлично знаем, что он уже вошел в мир, новый его хозяин, великий планировщик, будущий геометр нашей планеты. По богатству своих идей и замыслов он уже стал полноправным членом того мирового созвездия человеческих типов, членами которого были и Робинзон, и Кихот, и Фигаро, и Гамлет, и Безухов, и Эдип, и Фома Гордеев, и Рафаэль Валантен.

Мы хорошо знаем все его отдельные черты, мы романтизируем его отдельные качества, бессильные схватить его главное обобщительное свойство, делающее его земным (и в этом главная его сила), реальным и жизненным. И мне кажется, товарищи, есть только два способа изобразить его во весь рост, в правдивой гармоничности его пропорций. Один из них — отступить на целый век, чтобы хоть немного уменьшить оптический угол зрения, под которым он виден нам, современникам. Но это не может стать нашим методом. Это значило бы никогда не написать книги о нем. Мы вступаем в особый, чудесный мир, где развитие народного благосостояния, культурных потребностей, самого человеческого могущества происходит с величайшим ускорением, не известным ни одной науке. Отставание искусства, по моему убеждению, формула пока несколько запальчивая, может стать просто самоубийственной для нас. В этом случае мы навсегда упустим возможность стать поэтами своей эпохи, а та, которая придет следом за ней, неминуемо принесет авторов более сильных, творчески более одаренных, чем мы. Тогда мы окончательно потеряем наш удивительный материал, обладающий таинственным даром древнего Мидаса делать мудрым всякого, кто к нему прикоснется!

И есть другой способ, единственный,— стать равным по росту и прежде всего по творческой одержимости своему персонажу. Я говорю о еще большем, еще более гармоническом развитии личности автора, я говорю о его культуре и ее идейном наполнении. Я хотел бы, чтобы автор моего времени научился быть рядовым тружеником эпохи.

Это означает, что необходимо самому подняться на ту высоту, откуда виднее всего варварство вчерашнего каменного века, глубже осознать историческую силу новых истин, вся философская глубина и социальное величие которых в их простоте; сделаться, наконец, самому неотъемлемой частицей Советской власти, взявшей на себя Атлантову задачу построить общество на основах высшей, социалистической человечности. Тогда, товарищи, нам не придется тратить время на технологические ухищрения, переполняющие наши книги, на схоластические дискуссии, зачастую лишь разлагающие живое вещество литературы; нам не потребуется тогда думать о долговечности наших книг, потому что в самом материале этом заключается гормон бессмертия. Тогда мы будем иметь все основания сказать, что мы подготовили все для появления нового Горького в нашей стране.

1934

Опубликовано 22 августа 1934 г. в газете «Правда» под заголовком «Эра, которая не повторится больше никогда».

Это леоновское выступление тридцать четвертого года и сегодня звучит ярко, мощно, призывно!

Леонид Леонов и Владимир Десятников. 1979 год.
Фото Г. А.